

Суровость и жёсткость русской мужской души, русского солдата, русского мужика, русского моряка, пехотинца, землепроходца – может быть, уже легенда истории и культуры; грозная маскулинность, поставленная во главу угла, да не самим человеком – Богом, знающим не только великолепие, но и жестокость русской природы, рьяно и хищно размахнувшейся на все севера, на все постылые безлюдные земли, где только волки воют да Сияние над бедовыми, обречёнными головами в треухах да ушанках бешеными самоцветами играет. Мужчина – воин. Завоеватель. Казак Ермак. Ерофей Хабаров. Степан Разин. Это ли не Русь? Изнеженность на Руси не в чести.

Собранная, железная, раскалённо-металлическая жесткость, привычная к огню. К горнилу, к тиглю, к пылающей кузне. А разве характер, в особенности поэтический, – это не апология огня, пламени? Ещё один мегаобраз тут напрашивается, выступает из метельной тьмы: дорога, путь. Притом путь, преодолеваемый на скорости, измеряемый не только пешим изнурительным, каторжным шагом, но и тряской судьбой вагонов-теплушек, эшелонов, паровозов – от тех, царских, с гигантскими красными колёсами, до нынешних скоростных железных стрел, стремительно рвущих воздух от Колы до Якутии...

Поэзия Виктора Петрова. Мне она родная. Очень давно вообразила я в своей судьбе книгу «Дорога». Поезд, рельсы – дорожный рок всякой тревожной судьбы: она неистово и естественно становится скитальной. Скитание, странствие – это юродство и художество. В огне войны ли, любви, где люди сторают дотла, а потом воскресают, как птица Феникс, в дороге, разрезающей жизнь на куски, а потом сшивающей кровоточащие раны серебряными рельсами, рождается художник. Не кляните его за суровость, за сжатый кулак. Это правильное его бытие.

Это – Виктор Петров.

«Гвозди бы делать из этих людей...» – помним слова Николая Тихонова. Чем железнее поэт в поэтике своей, тем он ранимее. Глубоко внутри, под слоями казнящего Аввакумова пламени, живёт боль. Порою страшная, тонкая, как предсмертный крик или далёкая песня. Невозможно сдержать, утаить. Да и не надо. Названия книг Петрова – вслушайтесь: «Грань», «Болевой порог»... Всё режет. Всё остро. Всё нестерпимо. И – сжав губы и зубы – стиснув кулаки – глядя вдаль взором орлиным, пронзительным, Аввакумовым – терпеть. Молиться? Да. Стихами. И стихами – восставать. И сражаться.

Смотрите, читайте, повторяйте, не бойтесь суждённого мороза по коже (и по сердцу...), ведь это жаркое пространство близ красного, во снегах, Аввакумова костра:

Смотрите: мукою Христовой
Искажены мои уста!
Я думал: слово – это слово,
А слово – это взлёт креста...

Шептать слова и – быть распятым,
Терновый вытерпеть венки
И белым светом, белым платом
Не удержать кровавый ток.

И огромные, на полмира раскинутые крылья страны! Земли жестокой, пламенной, родной!

Разрубают простор поезда. Да не поезда мирные, не уютные купейные вагоны, а – военные составы! Эшелоны. Это лейтмотив, лейтобраз. Это боль, облечённая в составное, сочленённое, грохочущее железо поезда; дорога – и наказание, и причащение пространством, и загадка: что впереди?.. – и клятва: едем на войну, прибудем, и сразимся во имя Родины, что «...уже за шеломянем еси...» («Слово о полку Игореве»).

Сибирь колесовали поезда —
Вела их паровозная звезда.

Стонал, стонал столыпинский вагон:
Паду на рельсы – неизбывный стон.

Этапами гоняли русский люд,
А хлад сибирский по-медвежьи лют.

И выдержать его не каждый мог,
Но где у русских болевой порог?

Дорога, вечный неизбывный путь железный, кандалный, ледяной, и есть преодолённый болевой порог. Плохо тому, кто боль уже не чувствует. Он может пропустить, не понять боль смертельную, опасную. Да именно таков русский человек: он НАД опасностью, НАД роковым обрывом, НАД рациональностью и осторожностью. Он сам, русский человек, не умеет, не может и не хочет спасти свою жизнь.

Он – лучше – насущнее – другого спасёт.

И там, где другой отступит, поляжет, испустит дух, русский человек соберётся, соберёт волю в кулак, возожжёт упрямый дух – и будет творить, созидать: для русского демиургия рождается именно из трагедии, из её преодоления.

...Кривить звериным криком мёртвый рот,
Но распрямить к обрыву поворот.
И лишь простёртую оплавав мать,
Шагнуть вперёд – и вражью рать ломать.

А где взять силы? Конечны они? Или беспредельны? Из какого Божественного источника они в тебя вливаются, поступают, щедро питают тебя, и благодарен ты судьбе – до слёз?

Виктор Петров – трагический поэт. Один из немногих теперь.

Русская поэзия изначально печальна. Но Петров поднимается НАД печалью.

Поднимается – выше.

Он поднимается к тотальной трагедии и работает в ней, внутри неё, как в тотальной радости.

Это абсолютно Бетховенский завет, Бетховенская формула: «Что такое жизнь? Трагедия. Ура!» Трагедия, русская, невероятная, немислимая, апофатически неизбывная, становится питательной средой для поэзии Виктора Петрова, и он, как античный трагик, как новый русский Эсхил, выковывает строки, в коих – великая боль, и боль эту надлежит мгновенно, на ходу, на лету, переплавить в великую надобу, в великое желание жить ею и дышать, обращая её на святость, на радость себе; так поступал славный предок Петрова – огнепальный Аввакум, так поступает, по сути, любой поэт, намереваясь вывести трагедию в абсолют свободы и шири из-под гнёта, из-под спуда сетований, уныния, умирания. Никакой энтропии! Поэзия Петрова – вот уж никак не энтропия. Она – утверждение, и внутри полнейшего человеческого отчаяния – всё равно, наперекор горю, она есть музыка силы:

...Но пробиваться не впервой,
Поэтому и в этот раз
Останусь гвардии живой,
Стальных не опуская глаз.

Вернусь, и бросишься ко мне,
Объятием забинтовав:
Горел, да не сгорел в огне
И выжил, смертью смерть поправ!

«Смертию смерть поправ» (там в Пасхальном тропаре далее совсем чудесное – «...и сущим во гробех живот даровав...»), «Не умирай» – вечный русский завет бессмертия. Не столько сладко-утешительный, сколько трагически-высокий завет. Иной Мирь страшно, пугающе близко; он даже не то чтобы на расстоянии протянутой руки – он в ладони, в сжатом кулаке, в биении безумного от любви сердца. Сказка ли бессмертие? Русский человек таков, что он и порог смерти бесстрашно переступит; и вернется оттуда, из Иномірия, ибо есть, он знает, для его весёлого воскрешения молодильные яблоки, мёртвая вода и живая вода.

А Аввакум-то ведь Петров сын! И, значит, оба поэты, и оба – фамилии одной.

Одной семьи пророков и юродивых Христа ради, воинов Христовых, ведущих за собою в битву; родня Пересвета и Осляби, как ни крути.

И вечно наше Куликово поле.

И вечно музыка, широкая, как небеса, песня, которую русский поэт поёт о Родине.

Да ведь и война – вечна.

Та, в которой не победить – нельзя.

...У, треклятое каинство –
Стал вражиною зёма!
Окоём размыкается
Трауром чернозёма.

Хата ридная, мазанка –
Не редут ли внезапный?

Танки выбрали азимут
И уходят на запад.

Гул услышу авдеевский
На успенской таможне.
Родову как и где искать,
Если Бог не поможет?

Предана, перепродана,
По частям раскроима:
Нет двух родин – есть Родина,
Русь моя с Украиной!

Степь, Ростов, излучины Тихого Дона, Украина рядом, обочь, с Украиной нераздельны... Наша освободительная война, и победа будет за нами; победа и над этой, суждённой, судьбинной трагедией, в этой немислимой новой гражданской войне; а ведь стихи – разве не война такая? Разве они не война с душами чужими – за души родные, живые? Разве они не война с ложью – за Истину Божию? Разве это порою не война с самим собой, с собственной неисчезающей мукой душевной, с собственными сомнениями и ужасами, с собственным неверием?

А душа и впрямь болела,
Так болела – невтерпёж,
Впору вырваться из тела
Да и броситься под нож.

Любит Виктор Петров пружинящий шаг жёстких кратких строк, четырёхстопного хорей... хотя может он многое, разнообразное, разноликое, и в ритмике, и в словописи самоцветной, он знает цену красочному слову, но не доводит его до барочной приторности, до избыточного украшения; ни на минуту не упускает он из виду – в композиции, в дыхании – этой железной пружинной сжатости, говорящей о силе смысла, о воле и мужестве, ибо именно так и надобно писать о воле, мужестве, битве и боли:

...Потому как батарея
Бьёт прицельно по врагу,
И заката флаг, не рея,
Сник на траурном снегу.

Близок холод, лютый холод –
Жизни прежней больше нет:
Сердце так и ходит, ходит,
Разорвав бронжилет.

Марш – с этапа до этапа –
Изо всех железных жил.
Где Остап? А нет Остапа –
Сынку голову сложил.

Птица Жаль стенает следом,
Эта Жаль – всему беда.
Никому ещё не ведом
Путь последний в никуда.

«Путь последний в никуда...» Апофатичен поэт. Он может плакать сердцем, объемлющим Мирь и войну. Но он не боится ни близкой пропасти, ни назначенной смерти. Он смотрит прямо ей в лицо. В глаза.

Сошлись при Армагеддоне и бьются бесстрашно миры:
Отходим, товарищ, с тобою, отходим пока...
Выносишь из окружения знамя полка,
Бинтуя полотнищем грудь... Ты знаменем стал – до поры!

Вторая Великая... Где же наше Отечество, где?
Отцы поднимаются – в марше идут гробовом,
Славянка помашет и слёз не сотрёт рукавом...
Назад не смотри – мы останемся на убитой звезде.

Культ предков есть сила предков. Царство мёртвых есть наша незыблемая связь с ушедшими поколениями. В этом заключается феномен человеческой памяти. «Бессмертный полк» – одна из вариаций живого существования такой памяти мёртвых; она мало того что овеществленная – она визуально обозначенная и именная, ибо обнародовано любимое, родное имя, поставлено перед лицом-фотографией, которая внутри памятного хода приобретает сакральность храмового Лица; Логос и изображение сливаются; и мы, нынешние, становимся в этот деисусный ряд, и мы молим Господа о том, чтобы в себе оставить святость и любовь ушедших, чтобы стать их достойными, стать с ними в один строй, в одно священное шествие:

...О Господи, силы нам дай остаться, кем были вчера,
Когда не предали ни братских могил и ни строк,
И если вдруг Западом наш обернётся Восток,
То двинется вслед за пророком к Западу эта гора.

Наступит героиста черёд, и знамя своё развернём...
Эй, братья-славяне, вперёд – полковая братва!
И тотчас на фрица пойдут в штыковую слова:
И взвезется сумеречь, и огонь поглотится огнём.

Спросят меня: а как же любовь? А изъявлена ли поэтом любовь как одно из необъяснимых чудес света? Любовь не просто рассказана Виктором Петровым, не только, как в XIX веке говаривали, воспета – ею, зарифмованной, выжжено на теле русской поэзии XXI века незаживающее клеймо. Поэт оставил современникам и потомкам живую боль. Опасно к ней прикасаться. Невозможно её понять. Да надо ли? Почему суждено было именно такое? Для того ли, чтобы на свет родились именно эти, именно такие, обжигающие, пыталные стихи? Не стихи – Лобное место бытия... Или чтобы сравнить явь – со сном, настоящую плоть, подлинный запах и звуки – с ледяным зеркалом-мороком; чтобы выйти из колдовского круга – и идти дальше, осознав и себя, и Мирь, и людей по-новому, по-иному...

И боль, только боль, опять боль, опять новый, неведомый лик вечной трагедии...

...Когда затравленно посмотришь мне вослед,
Предвидя пытку от невыносимых бед,

А я тебе не попытаюсь и помочь,
Уйду, бесстыжий, в разгулявшуюся ночь.

И ты свернёшься на казённой простыне
И станешь думать об ушедшем, обо мне...
И я почувствую тебя как никогда,
И устыжусь, хотя не ведаю стыда.

У русских точно нет болевого порога отчаяния; и болевого порога любви тоже.

Любовь уходит навек; остаётся память.

Любовь, она бывает как война. Только в ней нет победителей. Все – побеждены.

...Виктор Петров. Степь крестила простором его. Степь убивала и воскрешала его.

Есть возможность у русского человека всегда начать сначала. С нуля. С пустоты зимы, степи, снега, ветра. С чёрного безумного прогала ночного неба. С грохота мчащегося поезда. Мчащегося – мимо? А может, я, поэт, в этом эшелоне – еду? На новую войну? Биться за новый Мирь?

Счастье не объяснить. Горе не оплакать. Поэзию не втиснуть в рамки катренов или критических статей. Войну не остановить. Она идёт до конца. Любовь не повторить. Она разольётся по русской Вселенной, вот она – весна, лёд, пламя, ручьи, соловьи, костры, песни. Мы сражаемся за Русский Мирь. Это наш фронт, дорогой Виктор. Наша битва. И наша – будущая – Победа.